

ГАЛИНА НЕКРАСОВА (Тарту)

МЕСТО КОНЗЕКУТИВА В РЕЛЯЦИОННОМ ПОЛЕ ФИНАЛЬНОСТИ/КАУЗАЛЬНОСТИ КОМИ ЯЗЫКА

В современном коми языке конзекутив выступает как причинно-целевой падеж. Однако, кроме него, (см. СКЯ II 77—78) существует целая совокупность способов выражения финально-каузальных отношений как на грамматическом, так и на лексическом уровне, образующих особые реляционные поля (далее РП), под которыми понимается «совокупность лингвистических единиц, выражающих определенный тип семантического отношения и служащих наименованием соответствующего типа отношений между предметами (действиями, признаками)» (Комаров 1971 : 9). Для определения места конзекутива в системе этих полей необходимо сравнить его с другими конституентами, т. е. единицами поля, установить взаимоотношения между ними. В качестве основного используется функционально-семантический анализ, дополняемый трансформационным и дистрибутивным методами. При определении степени совпадения сочетаемости вводятся термины «полное совпадение сочетаемости», «включение сочетаемости», «пересечение сочетаемости», «полное несовпадение сочетаемости», примененные Ю. Д. Апресяном при рассмотрении лексической синонимии (1969 : 83—87). Исследование проводилось на уровне поверхностных структур.

1. Конзекутив цели ~ финальности (далее Кф).

Кф выражает предмет или лицо, которые являются объектом устремления, цели, достижения чего-либо. Данное значение реализуется преимущественно в сочетании с конкретными существительными, образующими следующие элементарные семантические поля (ЭСП), под которыми понимаются группы слов с общей семантикой (Власов 1973 : 18): 1. ЭСП живых существ: *Колö пö ветлыны докторла* (Юхнин I 144) 'Ведь надо сходить за доктором'; 2. ЭСП веществ: *На кошсö да лэчыв пöгребö заравала* (Доронин 55) 'Возьми ковш и сходи в погреб за березовым соком'; 3. ЭСП предметных существительных: *Ме эсса гортö мунтöдз эг и лэчыв даддöйла* (Юшков I 166) 'Потом уже до ухода домой я и не спускался за моими санками'. С отвлеченными существительными Кф встречается редко, причем с отглагольными именами вообще не употребляется: *Звптас кы вйыдла оз пыр* (Тарабукин 48) 'За словом в карман не полезет'; ... *ме дöра сумкаöн пельпом вылын ... көмтöг котöрта тöдöм лунъясла* (Микушев 40) '... я с холщевой сумкой за плечом... босиком бегу за знаниями'.

Анализ показывает, что Кф преимущественно выступает в предложениях с глаголами движения, побуждения, конкретного действия, выполняя роль обстоятельства цели. При отглагольных именах, слове *туй* 'дорога' и словоформе *могөн* 'с просьбой' Кф служит определением: ... *няньла мунысьяслөн лыдыс нёшта на содис* (Юшков II 109) '... число идущих за хлебом еще возросло'; *А бара на вот ме динё. Колёкё, и няньла могён?* (Юшков II 35) 'А вот и снова еще ко мне. Может быть с просьбой о хлебе?'; *Кён нё тэнад турунла туйыд?* ... *Кён нё тэнад пёсла туйыд?* (Коми м. 162) 'Где же твоя дорога за сеном? ... Где же твоя дорога за дровами?'

Далее Кф сепоставляется с другими конститuentами РП финальности (РПФ).

1.1. Сопоставление Кф и конструкций с целевым послелогом *могысь* 'с целью' показывает, что Кф и послелог находятся в отношении дополнительной дистрибуции, иначе проявляется полное несовпадение сочетаемости. Расхождение наблюдается в качественном распределении существительных, сочетающихся с каждым из них. В подавляющем большинстве случаев, как указывалось выше, Кф контаминирует с конкретными именами, в то время как семантическое поле функционирования послелога *могысь* составляют абстрактные отглагольные имена с суффиксом -*ом*: *Домналысь олёмсё бурджыка тёдмалём могысь писатель ветлис Эжва да Сыктыв вожъясё* (Микушев 82) 'Чтобы лучше узнать жизнь Домны, писатель съездил в районы Эжвы и Сысолы'. Примеры показывают, что послеложные конструкции с *могысь* обозначают действие, которое необходимо выполнить субъекту. Если при Кф основное внимание обращается на объект цели и можно говорить лишь об имплицитном выражении действия, что проявляется при его трансформации в другие средства РПФ: *муніс вала ↔ муніс ва вайём могысь ↔ муніс ва вайны ↔ муніс, мед вайны ва* 'пошел за водой', то послеложная целевая конструкция показывает цель как действие. Согласно семантическим показателям, обязательным для полного и точного выражения финальности (установлены в работах В. Р. Зубовой (1975 : 4—6) и С. В. Степанюк (1976 : 77)), в случае Кф, видимо, можно говорить об осложнении целевых отношений объектными, в случае послеложных конструкций — о выражении финальности в чистом виде.

1.2. Сопоставление Кф с зависимым инфинитивом дает такую же картину, что и в предыдущем случае, так как по семантике целевой инфинитив ближе к послеложной конструкции и нередко вступает с ним в синонимические отношения, обозначая также действие как цель движения или перемещения в пространстве. Но в отличие от него инфинитив больше подчеркивает процессуальность движения: *печ. Эг на пё удитлө сійё ыстылны мёдлапөлө турун додь вайны ... ягё на пё эг ыстылө пёс додьла* (Образцы 298) 'Мы еще не посылали ее на другой берег привезти воз сена ... не посылали в лес за возом дров'. В первом случае цель выступает как действие, внимание акцентируется на процессе движения, во втором предложении цель — как объект движения.

1.3. На уровне сложного предложения финальность выражается придаточными предложениями цели, присоединяющимися к главному союзом *мед*, *медым* (СКЯ II 226—228) и обозначающими, что «действие главного предложения совершается для того, чтобы и в будущем, позднее произошло другое действие или чтобы появилась возможность, вероятность, необходимость совершения планируемого действия» (Апаева 1973 : 15). Например: *Медым вочавидзны та вылө (↔ та вылө вочавидзём могысь), колё казтыштны медводдза повестьсё* (Микушев 54)

'Чтобы ответить на это, необходимо вспомнить его первую повесть'. В отличие от Кф данный конституент выражает цель как действие, что сближает его с инфинитивом, но больше с послеложной конструкцией, так как придаточные предложения легко трансформируемы в последние, при этом наблюдается конверсный порядок слов.

1.4. Таким образом, общим для всех указанных конституентов РПФ является выражение цели как действие, различие же заключается в характере его выражения: при отглагольных существительных цель выступает как опредмеченное действие, инфинитив означает действие как процесс, придаточное цели сообщает цель как планируемое действие (Апаева 1973 : 22), Кф содержит лишь имплицитное выражение действия и образует свое микрополе в системе РПФ.

2. Конзекутив причины ~ каузальности (Кк).

В данном значении конзекутив выражает причину состояния, действия, признака. Семантическое поле его функционирования в противоположность Кф ограничивается в основном отвлеченными существительными, представленными следующими типами: 1) ЭСП состояний (внутренних, психических, физических): ... *терпеньёсьыс пондїс петны Демит горшкосьмёмысла* (Доронин 55) '... из терпения начал выходить Демид от жажды'. С единицами данного поля наблюдается самая высокая частотность употребления Кк вообще, а также по сравнению с другими конституентами РП каузальности (РПК). 2) ЭСП свойств, качеств, черт характера: *Черыьд! — вомад и сылө чёскыдысла* (Торопов I 94) 'Рыба-то! — во рту тает из-за того, что вкусная'. 3) ЭСП явлений природы, состояния окружающей среды: *Найё, пемыдысла сера чужёмась, повзёмён видзёдїсны Микит вылө* (Юхнин II 106) 'Они от темноты с серыми лицами, с испугом смотрели на Николая'. 4) ЭСП действий, процессов (в данную группу включаем все существительные, имеющие какое-то отношение к действию, напр., обозначающие результат действия, отрицание действия и т. п.): ... *дыр да ылыті лэбалёмысла бырёма-вошөма борд выныс* (Торопов I 93) '... из-за того, что долго и далеко летал, иссякли силы крыла'.

В единичных случаях Кк соединяется с конкретными существительными, из них чаще с ЭСП веществ: *Пёсьысла кётасьём дёрёмнас чышкыштїс чужёмсө* (Юхнин II 37) 'Мокрой от пота рубашкой вытер лицо'; *Мортыс нөбйысла оз тыдав* (Коми л. 54) 'Из-за вязанки не видно человека'. Ограниченность употребления Кк с конкретными именами объясняется недостаточностью их семантики для полного раскрытия причины, ибо «лицо или предмет сами по себе не могут быть причиной явления или события» (Власов 1973 : 22—23), а также двузначностью конзекутива и избирательностью дистрибуций при ее реализации: при конкретных именах выражает значение цели.

Кк на уровне словосочетания (а) и на уровне предложения (б) выступает в качестве обстоятельства причины: (а) ... *кор вөрын собалігөн веськалө еджыд нитшка, гулыдысла кув чунган шыа нөрыс вылө* (Микушев 110) 'когда, бродя по лесу, попадет на беломошник, от простора хоть умирай на отдающей эхом возвышенности'; (б) ... *сылөн радысла югзис чужёмыс* (Торопов I 30) 'У него от радости светилось лицо'. В роли предиката могут выступать глаголы любой семантической группы, преимущественно со значением состояния, изменения состояния, проявления эмоций.

2.1. Для определения места Кк в системе РПК мы попытаемся сравнить его с элативом и с послеложной конструкцией с *вёсна (понда)* 'из-за'. Выбор данных средств РПК обосновывается тем, что они наибо-

лее употребительны в рассматриваемом значении на данном языковом уровне. Другие же средства исследуемого ряда встречаются лишь эпизодически. Кроме того, Кк, элатив и послелог *вõсна* (понда) обнаруживают некую семантическую общность, что проявляется прежде всего в их синонимической трансформации, т. е. при идентичности полнозначных слов различаются лишь грамматические средства выражения причинности (Апресян 1967 : 64): ...*ыж чукõр ... поиктисны ывла выв пõдан жар вõсна* ($\leftrightarrow$ *жарсьыс* $\leftrightarrow$ *жарысла*) (Доронин 104) '... стадо овец тяжело дышало от знойной жары на улице'.

Однако инвариантность фраз, как отмечает Ю. Д. Апресян, вовсе не означает их абсолютной семантической идентичности, ибо «всякому изменению формы соответствует некоторое семантическое изменение, ... способ представления конкретной ситуации варьируется от трансформы к трансформе» (1967 : 57—58).

2.2. Кк по характеру выражения причинных отношений ближе к каузальным послелогам. Оба обозначают преимущественно объективную причину, как бы подчеркивают «рассудочную, логическую сторону мотива» (Виноградов 1972 : 540). Семантическая идентичность данных конститuentов поля проявляется не только в потенциальной возможности трансформации друг в друга (*Шог вõснаыс* ($\leftrightarrow$ *шогысла*) *сэсы Олыõш дзонь вежон юис* (Доронин 39) 'От горя потом Алексей целую неделю пил'; ср. ...*а сэсы шогысла* ($\leftrightarrow$ *шог вõснаыс*) *мõдис юны* (Юхнин I 14) '... а потом от горя начал пить'), но и в одновременном употреблении при однородных членах предложения, что несомненно свидетельствует об их совместимости и грамматической синонимии: *Пач вõсна да пес жалитõмла нянь да сёян немторла тшыкõдны* (Доронин 115) 'Из-за печки и экономии дров незачем портить хлеб и пищу'. Однако это еще не говорит о полном совпадении сочетаемости. Анализ материала показывает, что в случае Кк и послеложных конструкций наблюдаются преимущественно отношения включения сочетаемости ($V \subset A$), причем с конкретными существительными (ЭСП живых существ, предметов) в качестве А выступают послеложные конструкции, V —Кк, с отвлеченными именами (ЭСП состояний, действий, состояний окружающей среды) — A —Кк, V —послеложные конструкции. Иногда (чаще всего в ЭСП свойств, признаков веществ) пересекаются сочетаемости, что отчасти связано с тенденцией употребления послеложных конструкций главным образом в двусубъектных предложениях, когда субъект-деятель (а) и субъект-каузатор (б) не совпадают в одном лице (Онипенко 1985 : 125), в то время как Кк реализует свое значение в основном в односубъектных, когда субъект (а) и субъект (б) совпадают в одном лице (Онипенко 1985 : 125), или же в двусубъектных типа части-целого предложениях. Ср., *Ставыс тайõ* (а) *Рõман Паладõльõн* (б) *дышлун вõсна* (Безносиков 52) 'Все это (а) из-за лени Палады Романовны (б)' и вв. *Сия асла с йõйлунисла вуджедче* (Образцы 83) 'Он из-за своей глупости перевозит'; ... *пелейяслõн* (б) *мудзысла õшõдчисны кывгъыс* (а) (Рочев 89) '... у присяжных оленей (б) от усталости повисли языки (а)'.

2.3. В отличие от рассмотренных выше конститuentов РПК словоформа в элативе в значении причины выступает с оттенком источника, обозначает причину действия, состояния, признака как их исходный момент, как «обоснование чего-нибудь как следствие, ссылкой на какое-нибудь явление или действие, послужившее причиной» (Виноградов 1972 : 540), преимущественно это неосознанная, возникшая стихийно, немотивированно, без воли и желания субъекта. Нередко причинное значение элатива обнаруживает связь со своим основным исходным значением. Совершенно справедливо замечание Е. С. Гуляева о возможности двоякого

объяснения предложений типа *Весьт кузя старик чепёсьяс каньысь* 'Старик с вершок (испугавшись) отскочил от кошки', где «элативное имя одновременно обозначает и «пункт», от которого началось движение (*каньысь* 'от кошки'), и причину этого движения» (Гуляев 1961 : 74). Видимо, в подобных случаях можно говорить о синкретизме исходного и каузального значений.

В отношениях элатива и Кк в рассмотренных нами текстах можно предусмотреть пересечение сочетаемости, где в качестве общих контекстов выступают как одно-, так и двусубъективные предложения: *Регьд сылён, мый вынсьыс сынышта лёмьсь* ($\leftrightarrow$ *сынышта лёмла*), *лõнис лолыс* (Торопов I 74) 'Скоро у него от гребли от всей силы затаилось дыхание'; ... *кытысь вõtлõмаõсь ичõtика юыштõмла* ($\leftrightarrow$ *юыштõмьсь*) (Юшков I 203) '...откуда выгнали из-за того, что немного выпивал'. Индивидуальные контексты предопределены как характером выражаемой причины, так и лексическим наполнением предикатов. Так, в случае элатива можно говорить об управлении данным падежом глаголами состояния, изменения состояния, признака, чувства, движения; ... *би жарысь чатõртчõмõн вочавидзис вõралысь* (Торопов I 56) '...отодвинувшись от (из-за) жары ответил охотник'; *Райда садьмис кынмõмьсь* (Торопов I 69) 'Райда проснулась от холода (букв. от того, что мерзла)'. Кроме того, в отличие от Кк элатив в сочетании с некоторыми единицами ЭСП составляет образует наречия образа действия (Гуляев 1961 : 97—99). Ср. *скõрысла* 'от злости' и *скõрысь* 'зло, сердито', *лõкысла* 'от злости' и *лõкысь* 'зло' и т. п., что несомненно сужает сферу функционирования элатива причины.

В диалектах, особенно южных, пограничных с коми-пермяцким языком, где можно говорить о нерегулярности и низкой частотности Кк в силу его ареального развития и относительно позднего выделения в статус самостоятельного падежа (Основы 149), наблюдается включение сочетаемости, ибо узкая, ограниченная сочетаемость Кк полностью входит в сочетаемость элатива: лл. *Иандзим'сы* (лит. *яндзимысла*) *сийа эд оз волы* Пр. (ЛЛД 47) 'Он ведь от стыда не приходит'; вс. *Кõдзыдõсыс* (лит. *кõдзыдысла*) *оз велõдны* Гр. (ВСД 69) 'Не учат из-за мороза'; сс. *Бат'ыд Вовас'ыд* (лит. *Вова вõснаыд*) *оз лыс' гортад мунны* К. (ССД 31) 'Из-за Вовы отец не смеет идти домой'.

2.4. Сопоставление Кк с другими конституентами РПК показывает наличие сложных взаимоотношений в системе, что проявляется прежде всего в перекрещивании их функциональных сфер. Среди характерных черт Кк можно отметить его сочетаемость с отвлеченными существительными, употребление в одно- и двусубъективных, преимущественно типа части-целого предложениях, выступление в качестве доминанты для выражения внутренней причины.

Смысловые оттенки причинности разных средств РПК можно обнаружить лишь при детальном анализе каждого из них, поэтому статья не претендует на окончательное решение данной стороны вопроса о каузальности.

Сокращения

вс. — верхнесысольский, лл. — лузско-летский, сс. — среднесысольский, печ. — печорский; Гр. — с. Грива, К — с. Куратово, Пр. — с. Прокопьевка.

Безносиков — В. Безносиков, *Жар гоём*, Сыктывкар 1964; ВСД — Т. И. Жилина, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; Доронин — П. Доронин, Парма сълõмын, Сыктывкар 1967; Коми л. — Коми легенды и предания, Сыктывкар 1984; Коми м. — Коми мойдъяс, съланкывъяс да пословицаяс, Сыктывкар 1956; ЛЛД — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985; Микушев — А. К. Микушев, Парма весьтын съланкыв, Сыктывкар 1984; Образцы

— Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; **Основы** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976; **Рочев** — Е. Рочев, Лёз тундра, Сыктывкар 1980; **СКЯ II** — Современный коми язык. Ч. II. Синтаксис, Сыктывкар 1967; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка, Москва 1980; **Тарабукин** — И. И. Тарабукин, Краткий коми-русский фразеологический словарь, Сыктывкар 1959; **Торопов I** — И. Торопов, Арся сыланкыв, Сыктывкар 1976; **Торопов II** — И. Торопов, Тял, Сыктывкар 1982; **Юхнин I** — В. Юхнин, Алёй лента, Сыктывкар 1955; **Юхнин II** — В. Юхнин, Диньельса вёрпункт, Сыктывкар 1983; **Юшков I** — Г. Юшков, Ловья лов, Сыктывкар 1979; **Юшков II** — Г. Юшков, Чугра, Сыктывкар 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Апаева Л. И. 1972, Предложные сочетания в функции обстоятельства цели в сопоставлении с другими средствами выражения целевых отношений в современном английском языке. Автореф. канд. дисс., Ярославль.
- Апресян Ю. Д. 1967, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, Москва.
- 1969, Синонимия и синонимы. — ВЯ 4, 75—91.
- Виноградов В. В. 1972, Русский язык. Грамматическое учение о слове, Москва.
- Власов Е. П. 1973, Предложно-падежные словосочетания с причинным значением в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс., Киев.
- Гуляев Е. С. 1961, С-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом освещении). Канд. дисс., Сыктывкар.
- Зубова В. Р. 1975, Синтаксический аспект лингвистической интерпретации категории цели в современном французском языке. Автореф. канд. дисс., Москва.
- Комаров А. П. 1971, Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс., Москва.
- Онипенко Н. К. 1985, О субъектной перспективе каузативных конструкций. — ВЯ 2, 123—132.
- Степанюк С. В. 1976, Дифференцированные признаки синтаксической категории цели. — Филологические науки I, 76—82.

GALINA NEKRASOVA (Tartu)

DIE STELLUNG DES KONSEKUTIVS IM RELATIVEN FINAL-
UND KAUSALFELD DER KOMI-SPRACHE

Der komi Konsekutiv drückt die Finalität und Kausalität aus. Im Artikel vergleicht man den finalen Konsekutiv mit in der gleichen Funktion auftretenden postpositionalen Konstruktionen, Infinitiven und Nebensätzen sowie den kausalen Konsekutiv mit entsprechenden postpositionalen Konstruktionen und dem Elativ. Es wird gezeigt, daß der Konsekutiv in der Struktur der relativen Felder sein eigenes Mikrofild bildet, das sich von anderen Konstituenten durch seine Bedeutungsschattierungen und Distributions-eigenschaften unterscheidet.